

34	35	36	37	38	39
----	----	----	----	----	----

НА ОПТИМИСТИЧЕСКОЙ НОТЕ

Его песни до сих пор распевают по радио и в компаниях. Музыку композитора знают многие по десяткам кинофильмов. Хотя бы по "Джеку Восьмеркину, американцу". Но теперь сам Александр Журбин как бы проехал по маршруту своего киногероя. Его вот уже три года нет в Москве. Точнее, он бывает в ней наездами. Из Нью-Йорка. Последний раз был две-три недели назад. И, по старой памяти, заглянул к нам в редакцию.

Неделя. — 1994. — март (№ 3). — с. 2.

— Саша, как-то странно видеть тебя в роли эмигранта...

— Какой же я эмигрант? Квартира московская осталась. Но появилась и нью-йоркская. Вообще это понятие — "эмиграция" — надуманное, из "застойного" прошлого. В дооктябрьской России его не было. Извиняюсь, Гоголь, Тургенев, Чехов, Чайковский месяцами жили за границей, и никто их в этом не упрекал... В творческом отношении я здесь, в Москве, все для себя прошел. Стало скучно.захотелось создать свой театр мюзиклов. Не получилось. В Нью-Йорке получилось. Вот и вся "эмиграция".

— Ну, и как тебе "там"?

— Если двумя словами — непросто, но интересно. Конечно, нет прежней популярности. В звезды в Америке пробиться трудно. Их там — единицы. Искусство в США — функционально, оно обслуживает узкий круг людей. Вот Женя Кисин, блестящий пианист, живет в Америке, как и положено гению. Люди просто талантливые потом

зарабатывают каждый цент. В то же время в одном только Нью-Йорке — полмиллиона человек, говорящих по-русски. Так что моему театру есть перед кем выступать. Занялся режиссурой, пишу серьезную музыку, преподаю, увлекся журнализмом. Сын мой Лева тоже стал музыкантом, сочиняет электронную музыку на компьютере. Но мечтает доучиться в Московской консерватории. Кстати, ее авторы здесь по-прежнему очень высоки.

— Хорошо, вот мы и вернулись в Москву. А как тебе здесь? Заметны перемены?

— Они бросаются в глаза уже в аэропорту. Во всем мире грузовая тележка стоит 18 центов, в Шереметьево — 2 доллара! Вообще с ценами в Москве — сумасшествие. Русская столица стала чуть ли не самым дорогим городом мира. И это при том, что сервис здесь еще более ненавязчив, чем прежде. Но, между прочим, в Москве теперь можно купить все, что и в Нью-Йорке.

— Вопрос — кому?

— Да, социальное расслоение бросается в глаза. Идешь по улице, на лицах пожилых людей — горечь. Стариков жалко... А тут как-то прямо на Тверской среди бела дня чуть не грабнули: куртка моя понравилась. Но все же отстали, постеснялись...

— Это уличные впечатления. А мир искусства?

— Тоже много любопытного. В один день (так получилось) мне довелось побывать на похоронах прекрасного актера и человека Евгения Леонова и на концерте в театре Эстрады, который для свободных людей давали... ээки! На следующий день в Большом зале консерватории во время концерта я обратил внимание на взвод амбалов вдоль стен. Стоя под ликами Баха, Бетховена, Моцарта, они мрачно наблюдали публику. Потом мне объяснили: охранники московских нуворишей, решивших приобщиться к высокому искусству. Нужно было видеть, что с ними стало, когда неожиданно лопнула лампочка в люстре. Охране было не до музыки...

Вообще огромное количество охраны повсюду выглядит пародийно. Но ведь можно взглянуть на явление с другой стороны: значит, есть кого и что охранять.

— Я смотрю, ты остался неисправимым оптимистом.

— Это верно. Так ведь иначе не проживешь — ни здесь, ни там...

Гостя Москвы встречал
Станислав СЕРГЕЕВ.